

Жан-Рене Сюратто

ЖОРЖ ЛЕФЕВР и ЖОРЕС

Французский ежегодник 1979

М.: Наука. 1981. С.94-110

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на тематические материалы - в конце файла

Все, кто знал Жоржа Лефевра или кто знаком с его трудами, запомнили его фразу из статьи под названием «Pro domo»¹: «Я видел и слышал Жореса всего дважды, затерявшись в толпе... но если кто-нибудь вздумает указать, кто был моим учителем, то я не признаю им никого другого, кроме него». Это сказано ясно, с тем немногословием, которое свойственно Жоржу Лефевру. Поэтому есть все основания озаглавить это сообщение «Жорж Лефевр, последователь Жореса», тем более что я не могу и не хочу назвать его учеником, что имело бы чересчур точное и в то же время чересчур двусмысленное значение. Но после этого заглавия я поставил бы знак вопроса. «Учитель», «последователь» — ведь это лапидарное утверждение должно соответствовать действительности. Разумеется, я не хочу здесь разбирать упоминания о Жоресе в работах Жоржа Лефевра, но думаю и даже уверен в этом, что их исчерпывающий перечень не был бы обширен. Можно обратиться к библиографии, составленной Фригульетти, хотя она и не совсем полна, особенно в отношении статей, появившихся в «Bulletin de la Faculté des lettres de Strasbourg». Отметим только в виде примера, но примера, содержащего недомолвку, — ту фразу, где похвала граничит с литотой, риторической фигурой умаления: «В своей истории Учредительного собрания Жорес снова поднял вопрос [о продаже национальных имуществ] и немало способствовал тому, чтобы историки обратили на него внимание»².

Однако все посетители, побывавшие в домике на бульваре Жана Жореса в Булони-Бийанкуре, помнят портрет Жореса. Я помню его особенно хорошо еще и потому, что такая же репродукция украшала письменный стол моего отца, и я в молодости видел ее каждый день.

В своем изложении я буду основываться на трудах самого Жоржа Лефевра, а также на других источниках: это воспоминания о моих многочисленных беседах с учителем, а также диссертация по политическим наукам, написанная Мари-Клэр Лаваль, племянницей нашего дорогого коллеги Робера Лорана, в свою очередь племянника Лефевра³. Прибавлю, что я был одним из слушателей курса лекций Жоржа Лефевра по историографии, впоследствии опубликованного Центром университетской документации и недавно переизданного под заглавием, которого я не одобряю, «Рождение современной историографии»⁴. Лефевр, думаюется мне, тоже не одобрил бы его. Именно слушание этих лекций и определило мой интерес к историографии, совсем у нас тогда заброшенной, как это хорошо всем известно.

¹ Название этой статьи — реминисценция из Цицерона (106—43 до н. э.). Возвращенный из изгнания в 57 г., Цицерон произнес речь «De domo sua» (более ранняя традиция — «Pro domo sua»), в которой требовал возвращения отнятого у него дома. В переносном смысле выражение «pro domo» — выступление в свою защиту, в оправдание своего образа действий и мыслей. (Примеч. пер.)

² Annales historiques de la Révolution française (далее — AHRF), 1947, avril — juin, N 114.

³ Laval M.-C. L'historien et le peuple: un exemple: Georges Lefebvre / Thèse de doctorat d'Etat soutenue à Dijon le 10 mai 1978 (Jury: Léo Hamon, Jacques Dehaussy, Jean Bart, Claude Courvosier, Jean-René Suratteau).

⁴ Lefebvre G. Naissance de l'historiographie moderne. Paris, 1971.

Возвращаясь к цитате из статьи «Pro domo», следует напомнить, что целью последней было ответить на послесловие в книге Даниеля Герена⁵. Не зная жизненного пути Лефевра, Герен изобразил его как ученика и преемника Матьеза, высказав хвалу за то, что «он пошел немного дальше, чем его учитель».

Жорж Лефевр напоминал, что около десяти лет назад (в 1938 г.) он уже встречал подобное утверждение, вышедшее из-под пера Гиро, который поместил в газете «La Croix» отзыв о книге Лефевра «Термидорианцы».

Как бы то ни было, Жорж Лефевр дает в этой статье ценнейшие уточнения насчет своего пути историка — он, столь скупко сообщающий сведения о себе лично. Он пишет, что его «духовное развитие начинается с лица в валлонской Фландрии, где Жюль Гед основал французскую Рабочую партию на базе марксизма». Лефевр добавляет: «Но более всего я обязан Жоресу. Именно его «История французской революции» определила направление моих исследований; правда, подумать о них меня заставили диссертация Саньяка и труды Лучицкого. Я видел и слышал Жореса всего дважды, затерявшись в толпе, и ему, разумеется, никто никогда не называл моего имени. Но если кто-нибудь вздумает указать, кто был моим учителем, то я не признаю им никого другого, кроме него...»

Что Жорж Лефевр лишь немногим обязан Альберу Матьезу, это известно. Это показали colloquiums, состоявшиеся в Дижоне и Париже в ноябре — декабре 1974 г. В некрологе, написанном Лефевром сразу после внезапной смерти его предшественника на посту председателя Общества робеспьеристских исследований, он разъяснил это и, несмотря на скромность выражений и все свое уважение к памяти ушедшего, ясно поставил точки над *i*. «Пишущий эти строки, конечно, не был товарищем его молодости и смог бы обрисовать развитие его мысли только предположительно. Но, будучи его сверстником, он находился под влиянием тех же общественных течений и изо дня в день читал то, что писал Матьез... [Последний начинал свою работу] под влиянием Олара, [который]... принадлежал к республиканской буржуазии и, вероятно, не делал выводов, какие можно сделать из Декларации прав человека и гражданина...; он смотрел на революцию сверху, словно у революционных масс никогда не было иных интересов, иных нужд, иных страстей, чем у буржуазии...»⁶.

Но Лефевр отмечает также связь Матьеза с Жоресом, то общее, что было между путями Матьеза и его собственными путями при полном их различии во всем остальном. «Каковы влияния, побудившие Матьеза встать против апологии Дантона и взять на себя защиту Робеспьера?.. Мне кажется, что следует придать большое значение влиянию Жореса. В своей «Социалистической истории», новое издание которой Матьез выпустил в 1922—1924 гг., великий оратор, несомненно, не проявляет враждебности к Дантону, но оказывает явное предпочтение робеспьеристам: «В Якобинском клубе я хочу сесть рядом с Робеспьером». Во всяком случае он должен был воздействовать на Матьеза, как и на многих других молодых историков этого же поколения, самым своим социализмом, примирившим «демократическую и социальную» традицию с марксистской интерпретацией истории, и интеллектуальным престижем, каким он украшал свое учение...».

И еще: «Также и здесь мы снова находим на первом плане воздействие Жореса; в своей «Социалистической истории» он набросал общую

⁵ Guérin D. La lutte des classes sous la Première République. Bourgeois et «Bras nus». Paris, 1946.

⁶ ANRF, 1932, mai—juin, N 51.

картину социального движения в конце Старого порядка и включил революцию в рамки экономического объяснения истории.

Как и многие другие, Матъез испытал влияние Жореса, так как, по-видимому, он давно стал смотреть на революцию как на борьбу классов — борьбу третьего сословия против привилегированных — и интересоваться расслоением третьего сословия на соперничающие фракции...».

Жорж Лефевр заканчивал эту статью важными и пророческими строками: «Если — и это, по-моему, вполне вероятно — будущие историки станут отводить все более и более важное место изучению экономических и социальных аспектов французской революции, если они решатся смотреть на события не только сверху, а и снизу, что является основным условием для социальной истории, то, быть может, после Жореса Матъез покажется им тем, кто подготовил переход от Олара к ним самим...».

Я не ставлю себе задачей обрисовать этапы, на которые — имея в виду и педагогическую цель — указал Лефевр, чтобы отметить вехи «работы историка», этапы, повторенные в курсе лекций, изданном, как уже упоминалось, в виде книги под названием «Рождение современной историографии». Отметим лишь, что Лефевр с самого начала заимствует у «германиста и философа Шарля Андлера» его положение: «Заниматься историей — значит связывать события, описанные в документах, путем интерпретации, без которой они не были бы нам понятны»; Лефевр добавляет: «Слово „понятны“ кратко выражает мысль, что мы можем узнать их причины». И далее: «Этот термин разъяснительной истории означает, наконец, что ряды событий располагаются таким образом, что они объясняются последовательностью своего возникновения: эта история одновременно хронологическая и разъяснительная; иначе говоря, задача состоит еще в том, чтобы группировать события, относящиеся к определенной эпохе, таким образом, чтобы установить, какое влияние эти события, происходившие одновременно, оказывали друг на друга».

С другой стороны, он вкратце отмечает большое значение «революции исторического материализма»: «Появились и другие концепции, включавшие в себя эволюцию; главной из них была система Карла Маркса, исторический материализм. В марксистской философии истории обнаруживается и новое влияние. Маркс создал свою систему под влиянием своей политической эволюции, которая привела его к социализму... Следовательно, эта новая философия истории является отголоском триумфа капиталистической экономики и крупной механической промышленности, а также и ее последствий; социальных главным образом — это образование революционного пролетариата, и идеологических, выразившихся в появлении многочисленных социалистических учений...».

В конце своего курса лекций Лефевр особенно подчеркивает значение социальной истории и упрекает Вольтера за его «совет ставить на первый план факты цивилизации, пренебрегая повседневной жизнью людей в ее экономической, социальной и религиозной формах, чтобы обращать внимание лишь на те факты, которые приводят к политическим реальностям...»

Именно с Вольтером связывал вначале Лефевр эту эволюцию взглядов. «Вольтер 200 лет тому назад учил, что главный предмет истории — цивилизация, т. е. особенности жизни людей, объединенных в общество... В XIX в. рост капитализма, с одной стороны, социальная критика — с другой, и особенно труды Маркса в конце концов заставили историков обратить внимание на экономические и социальные проблемы, о чем они не особенно размышляли до тех пор...»⁷

Говоря (а ему пришлось это сделать) о самом себе, хотя и весьма мало, по поводу своего труда «Великий страх» (многие считают его лучшей книгой Лефевра, и я взял бы на необитаемый остров именно ее, если бы мне позволили взять с собой всего лишь одну книгу Жоржа

⁷ *Lefebvre G. Avenir de l'histoire.— Revue historique, 1947, t. 197, p. 55—61.*

Лефевра), он возвращается к своей личной деонтологии. «Когда совершается историческое событие, оно становится событием благодаря тому, что люди представляют себе его таковым. Следовательно, историку важно знать, как в действительности происходили события; не менее важно знать, как люди, жившие в то время, или люди, жившие позднее, представляли себе эти факты, и очень часто бывает, что они воображали себе их не такими, какими они, по нашему представлению, были на самом деле. И вот историки часто ставили перед собой первую цель и пренебрегали второй или же вспоминали о ней только для того, чтобы поражаться абсурдности суждений о событии его современников. Но люди действовали в соответствии с этим своим пониманием, следовательно, оно и было причиной дальнейших событий. Чтобы понять их, важно знать все, что вызвало возникновение этих событий».

Лефевр заключает в некотором роде изложении своих убеждений:

«...Можно представить себе другую форму, другое предназначение истории. Со времен Огюста Конта оно более или менее у всех на уме... С одной стороны, это история событий, политическая история, которой социологи напрасно пренебрегают, так как события оказывают глубокое влияние на факты цивилизации. Но вследствие непредвиденного вмешательства отдельных личностей нельзя притязать на возможность установить ее законы. С другой стороны, это история фактов цивилизации, но она может быть социологической и обнаруживать константы... В действительности [история] — это не наука, так как нет науки в том, что случается только один раз; историк не может выводить константы из единичных фактов; он знает о них, но это не наука. Если формула эта верна для политической истории, то для истории цивилизации она не точна, так как наблюдаются факты, повторяющиеся в жизни людей, и историк... старается понять не одни только политические факты, но и всю совокупность фактов человеческой жизни, идеи, экономическую историю, даже повседневную жизнь. ...В той мере, в какой мы располагаем фактами, мы можем прийти к констатациям, которые путем сравнения одной эпохи с другой позволят нам вывести и формулировать константы. Эти константы не будут законами, так как мы не можем утверждать, что они будут постоянно существовать в будущем. Но мы сможем указать вероятности, в пределах которых, возможно, произойдут изменения. Даже когда нельзя получить статистические данные, как это возможно в экономической истории, можно представить себе, что при помощи наблюдения социальных явлений или коллективной психологии откроется путь для сравнений, ведущих к такой же цели...».

Когда 16 декабря 1954 г. в аудитории имени Декарта в Сорбонне происходила незабываемая для ее участников церемония, посвященная 80-летию нашего учителя, Жорж Лефевр на минуту дал волю своим чувствам. «Признаём,— воскликнул он,— что мы недостаточно выявляем соотношения между различными аспектами деятельности людей; не было синтеза; то, что по традиции называли историей, в сущности оставалось только политической историей. Анри Берр, основав в 1897 г. „Revue de Synthèse“, сделался апостолом обновления, и его усилия не остались тщетными...»⁸

И здесь появляется ссылка на Токвиля (Лефевр написал тогда предисловие к переизданию его трудов), а также на Марка Блока (он был большим другом Лефевра), казенного десятию годами ранее. «Было бы невозможно оспаривать, что в прошлом наиболее смелые из повторов рассчитывали таким образом сблизить историю с естественными науками. Токвиль не делал тайны из этого. В своем предисловии к работе «Старый порядок и революция» он писал: «Я поступил как медики, которые в умершем органе пытаются открыть законы жизни». В другом, недавно издавшем фрагменте он заявлял, ссылаясь на Кьюве: «Аристократии рождаются и сохраняются вовсе не по воле случая; они, как и все

⁸ *Lefebvre G. Reflexions sur l'histoire.— La Pensée, 1955, mai—juin, N 61.*

остальное, подчинены твердым законам, которые, быть может, удастся открыть... Марк Блок на многих страницах последнего своего завершеного труда «*L'Etrange défaite*» и на некоторых страницах книги «*Métier d'historien*», оставшейся незаконченной из-за его трагической смерти, высказался в том же смысле».

Перейдя к вопросу о связи историка с его временем и его классом, Жорж Лефевр, непосредственно ссылаясь на Токвиля, заметил: «Токвиль обновил нашу концепцию об истоках французской революции... Но почему Токвиль обладал такой пронизательностью? Именно потому, что он всегда оставался аристократом, который рассматривал многовековую борьбу между королевской властью и феодальной и сеньориальной знатью как одну из наиболее существенных черт древней истории Франции...».

Выступая против бесплотной и обескровленной истории, за которую тогда неумеренно ратовали некоторые воинствующие экономисты, Лефевр прибавлял: «Для истории, положительной дисциплины о чувственном мире, достаточно установить, что человек, обладающий благодаря своему органическому строению и способностям своего тела разумом, способным возвыситься до экспериментального рационализма, есть фактор истории, которую он сам создает; несомненно, подверженный влиянию других факторов, он реагирует автономно; так оказывается оправданной деятельность. Маркс находил забавным, что история есть дело рук человека, хотя можно усомниться в том, что человек в ней участвовал...».

Да будет мне позволено после этих нескольких цитат привести еще одну гораздо менее известную. Заметив, что Вандриес, чтобы развить тезис о вероятности, «удачно привел пример [об экспедиции в Египте], ибо, несомненно, роль случая никогда не была столь велика»; итак, снова знаменитый нос Клеопатры... Лефевр осудил это «метафизическое внушение» и отверг мнение автора, будто «история не может быть полностью доступна пониманию». «Подобно Валери, Вандриес сводит историю к рассказу о событиях, представляющих собой лишь ее поверхность. Не будем лишним раз указывать на неприемлемость этой узкой концепции и допустим, что тот или иной историк, который, объясняя события, утверждает или подводит к мысли, что они не могли бы принять иной оборот, поступает неосторожно... Но знание идет вперед, совершенствуясь, и история вместе с ним; это движение будет бесконечным; остается полагать, что и знание, и история рассматривают детерминизм не как метафизическую истину, но как эмпирическую рабочую гипотезу, без которой ни научное исследование, ни самая деятельность людей не имели бы разумного основания. Кто стал бы сеять хлеб, если бы не предполагал, что колосья созреют и хлеб будет сжат?...»⁹ Это осуждение данного Толстым анализа кампании 1812 г., на что я уже указывал много лет назад¹⁰.

Именно в этом, как нам представляется, заключалась для Жоржа Лефевра суть задачи историка. Такова ли была точка зрения Жореса? Это большой вопрос, и я не столь самоуверен, чтобы пытаться разрешить его. Единственное, что я хотел бы теперь сделать, дабы выполнить свое обязательство,— это узнать или попытаться узнать, был ли Жорж Лефевр действительно последователем Жореса в вопросах, которые сам Лефевр считал главными...

* * *

Ги Пальмад в своем введении к переизданию курса лекций Лефевра, написанном в спокойном и богатом оттенками тоне, лишь один раз упоминает имя Жореса: «Жорж Лефевр не отвергает социализма во всех его формах — теологической, рационалистической и материалистической

⁹ ANRF, 1954, avril—juin, N 135 (сообщение о книге: Vendryes P. De la probabilité en histoire: l'exemple de l'expédition d'Egypte. Paris, 1952).

¹⁰ Fohlen C., Suratteau J.-R. Textes d'histoire contemporaine. Paris, 1965.

(каково бы ни было его сочувствие к более определенному марксистско-социализму), по-видимому, не отвергает и такого социализма, как, например, социализм Жореса...»¹¹

Нас изумляют выражения: «сочувствие», «более определенный марксистский социализм», «по-видимому»... Точно так же и Ш. О. Карбонель, который, по-моему, не столь тонко, как Пальмад, выражает оттенки, пишет: «Жорж Лефевр стоял на точке зрения, близкой к марксистской...»¹².

Правда, — и я уже отметил это — сам Лефевр не отводит Жоресу большого места в своем тексте, так как цитирует его всего один раз, причем весьма «любопытно», как сказал бы Карбонель. Сравнивая французские исторические работы последних лет XIX в. и начала нашего столетия с огромным трудом Анри Пиренна, он уделяет Жоресу и его «Социалистической истории французской революции» всего три строки, причем, можно сказать, мимоходом. «В отношении Франции, почти в 20 раз более обширной, чем Бельгия, задача, очевидно, была более тяжелой, и никто не рискнул взяться за нее. Один лишь Жан Жорес предпринял попытку изложить подлинную историю, но историю одной только революции („Социалистическая история французской революции, 1901—1904 гг.“)»...

Позволю себе мимоходом ответить Карбонелю. На с. 457 своей диссертации, говоря о лекциях Лефевра, он подчеркивает его умолчание о событиях 1870—1871 гг. и особенно о Коммуне, «молчание, удивляющее читателя и даже оскорбительное», «факт, вызывающий особенное разочарование», называет это «амнезией». И наш коллега прибавляет: «Ведь все-таки Коммуна!»¹³.

Жорж Лефевр, которого я много раз видел — и до, и после войны — среди участников манифестации у Стены коммунаров, конечно, не нуждается в защите. Тем не менее попытаюсь ответить Карбонелю или, вернее, пусть ему ответит сам Лефевр. В статье «Pro domo», уже много раз цитированной, он пишет, обращаясь к Даниелю Герену: «По-видимому, г-н Герен не разделяет моего мнения насчет критических исследований и задач, стоящих перед профессорами истории. Я пытаюсь показать, как все происходило, и объяснить, почему; что касается классов, то я стараюсь описывать их умонастроение и судить о нем, принимая во внимание не только их интересы, их традиции и предрассудки, но и состояние окружающего их мира и обстоятельства, которые в определенной степени позволяли им искренно считать себя правыми. Это относится и к людям действия, и к системам идей. Я никогда не думал ни протягивать руку помощи, ни вставлять между строк загадки. К чему? Чтобы скрыть свои собственные взгляды? Они тут ни при чем, а кроме того, если знающим меня людям они неизвестны, то это значит, что они не интересуются ими: я никогда не скрывал их, если время и место были подходящими...»

Мне кажется также, что если вспомнить о присущих Лефевру деликатности и духе педагогического невмешательства, то в прочитанном им курсе лекций эта «амнезия» до некоторой степени объяснима...

Обратимся к социализму Жореса и к социализму Лефевра. Франко Вентури написал о Жоресе, Лефевре и Матъезе небольшую книгу¹⁴. Через 18 лет в труде, появившемся на французском языке, он вернулся к первоначально написанному им портрету Жореса¹⁵. Почему наш итальянский коллега не включил в новую книгу Матъеза и Лефевра? Он объясняет это в конце книги, и притом, по-моему, довольно любопытно:

¹¹ *Lefebvre G. Naissance de l'historiographie*, p. 8—9.

¹² *Carbonell Ch. O., Sutra M., Jaurès historien marxiste.— Colloque de Toulouse, 1977, 5—6 mars.* Протоколы коллоквиума еще не опубликованы.

¹³ *Carbonell Ch. O. Histoire et historiens; une mutation idéologique des historiens français, 1865—1885.* Toulouse, 1976.

¹⁴ *Venturi F. Jaurès e altri storici della Rivoluzione francese.* Torino, 1948.

¹⁵ *Venturi F. Historiens du XXe siècle: Jaurès, Salvemini, Namier, Maturi, Tarlé et discussions entre historiens italiens et soviétiques.* Genève, 1976.

«...Очерк о Жоресе-историке, написанный вскоре после войны в 1947 г. и опубликованный в следующем году, должен был положить начало ряду работ о французской историографии... в течение последних 50 лет. За первым очерком о Жоресе-историке должен был последовать ряд биографических очерков о людях, вдохновленных или побуждаемых Жоресом к продолжению изучения истории французской революции (например, Альбер Матъез, Жорж Лефевр), а также об историках, занимавшихся средневековьем и Возрождением... изучавших эти эпохи с таким интересом и в таком духе, что здесь явно отражалось более или менее прямое влияние Жана Жореса... Лишь первая часть этого триптиха была опубликована под названием „Jean Jaurès e altri storici della Rivoluzione francese“; в этой книге, кроме Жореса, говорится о Матъезе и Лефевре; вопросы, составлявшие суть вошедших в книгу очерков, были впоследствии снова рассмотрены уже не в плане истории историографии, но в плане прямого исследования...»

Но, кроме того, Вентури отмечает: «Однако одновременно со мной и лучше меня другие авторы открыли пути, параллельные или близкие к тем, какими я пытался идти в указанном здесь очерке... Ввиду столь явного и несомненного успеха по прошествии 20 лет, как нам кажется, напрашивается одно заключение. Два очерка (о Матъезе и Лефевре), которые сопровождали статью о Жоресе в небольшом томе, вышедшем в свет в 1948 г., исчерпали свою стимулирующую роль, и ныне нет более необходимости их публиковать, тем более что, несомненно, понадобилось бы их снова обдумать и изменить в соответствии со всем тем, что было сказано и написано во Франции, в Италии и других странах об этих двух историках и их идеях...».

Вентури сразу же замечает, что Жорес «в своей работе искал вдохновения у Маркса, Мишле и Плутарха, являющихся особенно яркими, общеизвестными и типичными символами. С одной стороны, в этом проявлялось стремление Жореса увидеть свой идеал воплощенным в социальные формы (Маркс), с другой — это была попытка сохранить соотношение — он не боится назвать его во введении „мистическим“ — между социальным миром и своим видением вселенной, одновременно натуралистическим и религиозным (как это было свойственно Мишле). Наконец, в этом отражался его политический опыт, показавший ему всю силу индивида и возрастающее, по его мнению, моральное воздействие со стороны того, кто борется за идеал (Плутарх)...».

Это не было простым повторением „классовой“ концепции, процветавшей во Франции во времена Реставрации. Эта концепция, связанная также с проблемой политических учреждений дворянства, духовенства и особенно третьего сословия, обращала больше внимания на преемственность парламентарных и представительных форм буржуазии, на правовые взаимоотношения коммун, корпораций и отдельных лиц с монархией, чем на внутреннее преобразование общества... Именно к этим силам Жорес и обращал свои взоры... Революция — это завершение порожденного богатством, а не пищей созревания, возникшего благодаря огромной социальной жизнеспособности, а не вследствие востания, вызванного отчаянием, — таков был основной вывод, к которому пришел Жорес в противоположность Мишле...».

Затем Вентури отмечает не без пропитательности: «Типично преклонение Жореса перед Кондорсе. Это был последний из „философов“, и его портрет отражал страстное восхищение XVIII в., какое испытывал сам Жорес, переоценивавший не столько идеи Кондорсе, сколько его политическую деятельность... Именно Матъез с его страстным темпераментом и острым интересом к политическим событиям — хотя при этом ему свойствен был и некоторый догматизм, — с его стремлением ограничиваться фактами и прагматическими истинами, резко и, быть может, несправедливо выявит ограниченность такого представления о Кондорсе...».

Сразу же противопоставим этому утверждению мнение Жоржа Лефевра. В опубликованном им в самом конце жизни отзыве о книге дру-

того итальянца, Альберто Ченто¹⁶, Лефевр писал: «В философском признании г-ном Ченто экзистенциальной свободы, ныне [в 1958 г.] столь модной, кроются его отказ от сближения истории с экспериментальной наукой и его враждебное отношение к обязательным для нее детерминистским постулатам... Кондорсе не преодолел противоречия между двумя аспектами своего мышления; будучи истолкователем чаяний буржуазии, он и не мог этого сделать. Если он рассматривает историю как непрерывное изменение, то потому, что буржуазия желала изменить мир, дабы заменить власть аристократии своей властью. Но она не могла допустить мысли, что управляемое ею общество не станет совершенством. Вот почему Кондорсе вслед за физиократами основывал строй свободного предпринимательства, частной и наследственной собственности на средства производства на свойствах вечной природы; он вновь открывал страницы истории, чтобы проложить путь буржуазии, и закрывал их в ее же интересах...»¹⁷.

Но возвратимся к Франко Вентури; по его мнению, «наиболее характерный пример слабости синтеза у Жореса» содержат страницы, которые историк-социалист посвящает взглядам Барнава.

«Именно во взглядах Маркса,— пишет Вентури,— Жорес искал оправдания этой крайней позиции; текст Барнава казался ему как бы „предвосхищением применения марксистских теорий к буржуазной революции“». В действительности Жорес, вдохновляемый своим страстным интересом к социальной жизни, был гораздо ближе к Марксу, когда говорил о конкретных фактах, чем тогда, когда он пытался утверждать, что Барнаву был присущ исторический материализм. Заканчивая свой хвалебный отзыв о мировоззрении Барнава, Жорес, по-видимому, почувствовал, что зашел чересчур далеко, и таким образом нарушил равновесие между знанием и совестью... В действительности Жоресу не удавалось выявить связь между... справедливым эгоизмом восходящих классов и преданностью человечеству, а между тем понимание этой связи составляло всю его силу как историка и политического деятеля».

Лефевр ответил на это со всей определенностью:

«Вентури, если я правильно понял его, полагает, что Жоресу никогда, ни в теории, ни в истории, не удавалось примирить противоположности. Кто может в этом преуспеть? Из противоречивых понятий, при способности мыслить, рождается движение, т. е. жизнь, так же как в экономике и обществе эволюция является результатом неизбежных конфликтов. Трагедия человеческой судьбы — в обязательности выбора, если принимается решение действовать...»¹⁸.

Вентури ссылается на Лефевра также и по другому поводу, сравнивая его с Жоресом и противопоставляя их в связи с «проблемами, поставленными Жоресом» (речь идет об основе для соглашения между социализмом и демократией): «Мотивы, побуждавшие его находить почву для согласия между социализмом и демократией, казалось, становились яснее, когда он переходил из области теории в область фактов и снова попадал как бы в естественную для себя атмосферу... Поставленные им проблемы появятся в трудах Жоржа Лефевра, где исследование, теснее связанное с фактами и более углубленное технически, позволяет приходиться к неоспоримым заключениям и точным описаниям...»¹⁹.

Рассматривая другой вопрос (тоже один из важнейших), Вентури излагает точку зрения Жореса на войну 1791—1792 гг. и противопоставляет или пытается противопоставить Матьеза Жоресу. Он делает выводы, объединяя некоторые концепции, ныне всеми историками признанные оши-

¹⁶ Cento A. Condorcet e l'idea di progresso. Firenze, 1956.

¹⁷ ANRF, 1960, avril—juin, N 160. (Отзыв появился уже после смерти Жоржа Лефевра.)

¹⁸ ANRF, 1949, octobre—décembre, N 116.

¹⁹ Что такое демократия? Вентури не дает своего определения этому понятию. (Ж.-П. С.).

бочными. Но во времена Матьеза это не было само собой разумеющимся; отзвуки этого можно найти у Жоржа Мишона:

«Даже прежде Жореса-историка именно Жорес-политик показал неуверенность и противоречивость, которыми страдала иностранная политика значительной части революционеров, и сумел связать их неустойчивую позицию с борьбой между партиями... Чтобы увидеть, как Жорес инстинктивно связывает политические вопросы с экономическими и социальными, устанавливая или подсказывая целый ряд параллелей, достаточно обратить внимание на существующую в его труде тесную связь между проблемами войны и политики снабжения, вообще экономической политики революции. Эти два ряда фактов не только естественно связаны между собой технически, но и нечто более глубокое делает из них две силы, действующие в одном и том же направлении...»²⁰

Лефевр ответил и на это, и, быть может, именно этот ответ предоставляет нам обширнейшее поле для размышлений и дает ключ к ним. «Г-н Вентури выделяет существенные вопросы, освещенные и обсужденные или рассмотренные в соответствии с требованиями науки в трудах, привлечших его внимание, но не ограничивается этим. Он описывает развитие философского и политического мышления Жореса; он прослеживает ход мыслей Матьеза и связывает его с событиями интеллектуальной жизни его времени... Каковы были политические идеи Жореса, когда он приступал к парламентской деятельности? Каково было тогда состояние социалистического движения во Франции? Как Жорес стал постепенно его сторонником? Каково было влияние его интеллектуального прошлого на его концепцию социализма и, следовательно, на его понимание революции и ее превратностей? Эти проблемы, как мне кажется, сильнее всего возбуждают любознательность г-на Вентури. Он полагает, что Жоресом одновременно владело желание примирить социализм, который, казалось ему, логически проистекал из принципов революции, с демократией, как ее понимали при Третьей республике проповедники радикализма того времени, и приверженность к пантеистическому идеализму, родившему его с пачавшейся еще в конце XVI в. и продолжающейся вплоть до наших дней реакцией против позитивизма естественных наук, чей детерминистский постулат, надо признать, часто искажался, превращаясь из рабочей гипотезы в материалистическое утверждение, которое является лишь метафизикой другого рода. Жорес, убежденный рационалист и поклонник науки, всецело стоял за то, чтобы сохранять созидательную силу, самостоятельность и духовную свободу индивида...» Затем следует параграф, мной уже цитированный, касающийся и этого частного вопроса, и общего плана, как второе «Pro domo».

Если в своем отзыве Жорж Лефевр выразился весьма осторожно и уклончиво, то в частной беседе он говорил напрямик: в объяснении Франко Вентури заключена попытка отделить социализм от гуманизма у Жореса и его продолжателей.

* * *

Хотя Жорес, как уже было отмечено, не занимает почетного места в лефевровском курсе историографии (копечно, можно было ожидать, что ему будет уделено гораздо больше внимания...), этот курс показывает, куда ведет Жоржа Лефевра его собственная марксистская концепция истории:

«Каково происхождение этих движений, одушевляющих историческую реальность? Это экономика. Если существовало дворянство, то именно в те времена, когда богатство почти исключительно было основано на землевладении... Появились новые источники богатства — торговля, промышленность, создававшие движимое имущество, и те, кто владел им, образовали новый класс, буржуазию; внутри этой буржуазии появилось другое

²⁰ Michon G. Robespierre et la guerre.— Annales révolutionnaires, 1920, p. 265—311.

движение, когда — благодаря развитию морской торговли, потребовавшему стольких капиталовложений, и особенно благодаря появлению машин, позволившему создавать фабрики и потребовавшему еще больших капиталов,— от буржуазии отделилась часть, образовавшая капиталистическую буржуазию, отнявшая у ремесленников и лавочников их независимость, чтобы сделать их наемными рабочими, отбросить их в ряды пролетариата... Однако последователи Маркса часто доводили его взгляды до крайности. Известно много мест, где Маркс говорит не об орудиях производства, а только об условиях производства; также во многих местах Маркс признает, что человеческое сознание определяется не исключительно экономикой. Иногда создавалось даже впечатление, что он ставит появление религии в зависимость от возникновения экономического факта. Некоторые из его последователей утверждали это без оговорок, но иногда он, как говорят, заявлял, что сам он, в сущности, не марксист... В глазах немарксистов учение Маркса в целом представляет собой гипотезу, новую философию истории... Эту философию истории, созданную Марксом, и называют историческим материализмом, но слово „материализм“ дает повод к кривотолкам, потому что обыкновенно так называют атомистическую и механистическую концепцию мира, которую Маркс отвергает; вот почему немарксисты иногда предпочитают называть ее экономическим пониманием истории...

Всем известно, что из своей историко-философской теории Маркс вывел учение о политических действиях, коммунистическое учение и правила, которыми он советовал руководствоваться пролетариату. Я не намерен разбирать эту часть его труда; она не относится прямо к историографии...».

В своем сообщении о синтезе в истории Лефевр возвращается к этому вопросу, являющемуся для него альфой и омегой: «В нынешнюю эпоху понадобилось известное число фактов, вытекающих из самого развития истории, чтобы узкая концепция синтеза и его объяснения видоизменились... Понадобилось создание экспериментального рационализма и бесконечные последствия, какие оно за собой повлекло... Но в первую очередь понадобился нарастающий натиск буржуазии. Если вы обратитесь к возникновению буржуазии, к ее основным занятиям, то увидите, что военные заботы она подменила интересом к экономике и интеллектуальной культуре; она стала их хранилищем, положив начало экспериментальному рационализму... Только во второй половине XIX в. картина капиталистических преобразований стала одним из главных оснований для создания экономической истории; именно вследствие установления политической демократии, более или менее искренне осуществляемой, а также классовой организации пролетариата социальная история стала одним из главных элементов исторического объяснения...»²¹

То же самое говорит Лефевр и в «Réflexions» по поводу дискуссии о феодализме: «Маркс выявил величайшее значение экономики, точнее, способа производства. Поглощенный этим новым открытием, гениальным для его времени, он не считал важным распространить свое исследование и на другие факторы; по никогда в его намерения не входило исключить их влияние, а так как история творится человеком, то он находил забавным обвинение в том, что он не принимает во внимание природы человека...»²².

Эрнест Лабрусс в своем обширном предисловии к новому изданию «Социалистической истории французской революции», предпринятому Альбером Собулем, возвращается к этим проблемам. Называя Жореса марксистом-критиком и не оспаривая его, когда он более, чем Марксу,

²¹ Lefebvre G. La synthèse en histoire.— Bulletin de la Société d'histoire moderne, 10e sér., 1951, octobre—novembre, N 25, p. 7—12.

²² Une discussion historique: du féodalisme au capitalisme/ Par G. Procacci, G. Lefebvre, A. Soboul. A propos de la controverse entre Maurice Dobb, Paul A. Sweezy, H. K. Takahashi, Rodney Milton et Christopher Hill.— La Pensée, 1956, N 63.

следует Барнаву, Лабрусс в свою очередь утверждает, что «со времени Жореса экономика и общественные классы выдвинулись в истории на первый план. На протяжении всего XVIII в. поднимается буржуазия, движущий класс революции. Но она поднималась уже и на протяжении XVII и XVI вв. вместе с продолжительным процессом роста богатств, вызывавшим все более и более усиливающуюся тенденцию к экономическому и социальному нарушению равновесия старого общества, землевладельческого, аграрного и „феодалного“. Так почему же этот замедленный взрыв произошел именно в 1789 г.? Потому, — отвечает Жорес, — что в конце XVIII в. появились две другие великие силы, предназначенные для воздействия на первую. Буржуазия к тому времени достигла своей экономической зрелости. Ныне она вместе с „французской нацией“ достигает своей интеллектуальной зрелости, а также и своей социальной зрелости, т. е. приобретает свое классовое сознание...

Итак, Жорес был первым „социальным“ историком революции в духе нашей эпохи... Выпуски издания появляются в начале 1900 г., в тот же год, что и большая „Политическая история“ Олара... Содержание их вполне соответствует названию: труд Олара политический; экономические и социальные основы отсутствуют в нем или, иначе говоря, в нем отсутствуют экономические и социальные рамки, а также классы. Какие богатства по сравнению с этим заключаются в труде Жореса... Тем более что Жорес одновременно, и притом в весьма широком смысле политик. Он имеет в виду, по его собственным словам, изобразить жизнь в целом; изображение этой жизни в целом — к чему должно стремиться наше поколение историков — обретает благодаря Жоресу свое имя; он определяет первые направления исследования, дает первое примерное описание. История эта настолько всеобщая и полная, что становится международной, переходит хронологические границы и охватывает общую перспективу двух веков, которые ее порождают и продолжают, и в большей или меньшей мере приводит к своего рода социологии революции и контрреволюции...»²³.

Вспоминая прочитанную Жоресом в 1894 г. парижским студентам-коллективистам лекцию об «идеализме и материализме в понимании истории», Лабрусс отмечает, что Жорес признавал марксистское понимание истории, но вот, однако, в какой форме. Жорес говорил: «Ну что же, да, я согласен, да, во всем развитии интеллектуальной, моральной и религиозной жизни человечества наблюдается отражение экономических явлений в человеческом мозгу; да, но в то же время был человеческий мозг; следовательно, была предистория умственного развития человечества...». Лабрусс подчеркивает: «Как и во многих „да, но“ не является ли тут главным „но“? Здесь во всяком случае нет. „Да“ равнозначно здесь „но“. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к Жоресу-практику, к его томам „Социалистической истории“, к их сущности, к их главным темам, даже к изложению этих тем во введении, где содержится вывод из признания принципа, провозглашенного Марксом. Но, — заключает Эрнест Лабрусс, — не станем ломиться в открытые двери. Твердо признано, что и Жорес, и Маркс, и марксисты понимали, что экономика — это еще не все, что классовые отношения „не исчерпывают реальности истории“, что существует состояние духа (*la mentalité*) или, по выражению Жореса, „человеческий мозг“. Но разогласие тотчас же возникнет именно по поводу этого „человеческого мозга“. Абстрактен ли мозг? Социален ли мозг? „В человеческом мозгу, — отвечает Жорес, — одно от другого неотделимо“».

Именно по этому пункту, а не в отношении к доктрине Маркса вообще Лефевр был наиболее близок к Жоресу, причем к концу своей жизни в гораздо большей мере, чем в начале века. В 1955 г. он утверждал: «Из этих принципов (речь идет о географических соображениях. — *Ж.-Р. С.*) никак не следует, что экономика — единственный элемент исторического объяснения. Против марксистской интерпретации часто выступали с ука-

²³ *Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française. Paris, 1968, t. 1, p. 17, 23, 25, 29, 30.*

занием, что она недостаточна для детального изучения событий, т. е. событий, развивающихся на поверхности социальной жизни, и еще в меньшей степени дает ключ к пониманию религиозного чувства и искусства. Но, по моему мнению, эти возражения свидетельствуют о том, что о ней существует превратное представление. Историю делает человек, и, следовательно, как это отметил Маркс, природа включается в число первоначальных факторов. Разум вовсе не *tabula rasa*, и не только черты, которые наносят внешние воздействия, позволяют понимать поведение индивида; разум реагирует, как это предписывает не только строение мозга, но и биологическая деятельность в целом. Своей биологической организации человек обязан склонностью к игре и к искусству во всех их аспектах. Он обязан ей особенно своим темпераментом, который всегда становится главенствующим, особенно если он допускает ощущение привлекательности риска, приключения, власти. Гораздо более, чем познанию, он обязан ей также страхом перед грозными силами вселенной, перед самой смертью, которая была первым источником религий...»²⁴.

В своем сообщении «о синтезе в истории» Лефевр говорит также: «Главный фактор, определяющий историю, без которого невозможно воздействие других исторических факторов, так как они действуют через него, — это человек, и именно это мы, несомненно, знаем хуже всего... Я сказал одному биологу: „Уже давно говорят о характерах, и даже сейчас находятся ученые-психологи, пишущие труды по характерологии. Они доказывают, что характер играет большую роль в истории, в чем лично я убежден...“. Хорошо, но я говорю этим биологам, как и психологам: „Вы чувствуете, что в основе этой характерологии чего-то недостает, а именно темперамента“, — и в этом все они согласны со мной. О темпераментах мы тоже располагаем важными сведениями, восходящими к Гиппократу, жившему за два века до нашей эры, и к Галену, жившему во II веке н. э. ...Плутарх тоже был согласен с этим. Когда я изучал философию, мне говорили: „Существуют четыре темперамента“. Это говорил уже Гиппократ. Я сказал биологам: „Вы, биологи, пойдите дальше и создайте для меня биологию воителя“. Ответ: „Это невозможно!“...»²⁵

Тем из нас, кто близко знал Жоржа Лефевра в конце его жизни, — моему товарищу Альберу Собулю, Марку Булуазо или Мадлен Реберну — известно, как эта проблема увлекала тогда, даже мучила нашего старого учителя. Сколько раз повторял он нам, что эта тягостная неопределенность препятствует прогрессу исторических знаний. Но кто же более, чем Жорес, воплощал в себе характер, темперамент, «чудовищную» биологическую силу? И как мог молодой Лефевр, слушающий, «затерявшись в толпе» великого трибуна с его металлом в голосе, как мог он не уподобить себя тому, кто выступал перед массами и его самого вдохновлял в его замыслах историка?

И здесь мне следует повторить написанное мной еще в 1960 г. и прямо процитировать великолепный отрывок, где сам великий историк, вскоре ушедший из жизни, говорит о том, что его волновало: «Во все эпохи истории я вижу множество работников, трудящихся в поте лица, изобретающих орудия, придумывающих эмпирические приемы, технические методы и таким образом добывающих человечеству средства, которые позволяют ему жить и продолжать свой род. Некоторые, встречающиеся редко, но более одаренные, стараются раскрыть тайны сил природы и, обращая эти силы на пользу человеку, уменьшают его зависимость от них; усиливая могущество человека, они ведут его к свободе. Другие, более многочисленные, меньше заботятся о знаниях, но более чувствительны к жалкой участи себе подобных; они стремятся облегчить ее немедленно при помощи средств, среди которых их собственное великодушие является отнюдь не наименее важным. Я слышу поэтический голос Франциска Ассизского,

²⁴ *Lefebvre G. Quelques réflexions sur l'histoire des civilisations.— AHRF, 1955, avril—juin, N 139, p. 97—109.*

²⁵ *Lefebvre G. La synthèse en histoire...*

чувствую суровый жар души отца Вепсана; они помогали множеству бедных людей; их голоса звучат в старой песне, о которой Жорес сказал: „Старая песня, так долго убаюкивавшая несчастных людей... утешала бедный люд“»²⁶.

И этот чувствительный человек, уроженец севера Франции, сближался с великим трибуном ее юга, как бы стирая сердцем географические различия.

Когда Лефевр в своих «*Foules révolutionnaires*»²⁷ отмечал все иррациональное, что в проявлениях коллективной психологии прибавляется к рациональному, все, что соединившиеся индивидуальные темпераменты добавляют к неумолимой логике экономики, он разделял озабоченность и Жореса-историка, и Жореса — политического деятеля. Наш друг Жорж Рюде продолжил исследования Лефевра по этому вопросу²⁸.

С большим интересом относился Жорж Лефевр также и к истории науки и техники; он много раз повторял, что мы глубоко не правы, пренебрегая этой важной отраслью исторических знаний, — в ней нужно не только составить номенклатуру, каталог или описание, но оценить социальную значимость фактов²⁹.

«...Некоторые частности этой истории, — писал он, — обычно не привлекают внимания, какого они заслуживают. Возникает вопрос, откуда вышли те, кто способствовал прогрессу знания и техники? Что касается людей науки, то они, как правило, принадлежали к господствующему классу; богатство доставляло им досуг, который лишь немногие посвящали научному исследованию. В результате социальное неравенство благоприятствовало победам в науке, но победы эти влекли за собой неожиданные для привилегированных последствия, которые стоило бы обдумать, так как это лишней раз пролило бы свет на диалектический ход истории. Напротив, в области техники многие изобретатели орудий труда или новых методов работы, несомненно, вышли из народных масс, из крестьян и ремесленников. К несчастью, среди всех областей цивилизации нет ни одной, столь покрытой мраком, как зарождение и развитие техники. В связи с этими проблемами выдвигается еще одна, разрешение которой могло бы увенчать эту увлекательную историю: в какой степени цивилизация — по мере того как она совершенствуется — проникает в общество в целом? Ответ очевиден. Не потому ли обычно считают излишним формулировать его? Прогресс цивилизации приносит выгоду прежде всего господствующему классу, а другие разделяют ее лишь настолько, насколько это позволяет место, занимаемое ими в социальной иерархии...»

Но в конечном счете я сказал бы, что центральный вопрос, в котором Лефевр идет дальше Жореса, — это вопрос о взаимоотношениях историка с его временем и обществом его времени. Повторяя знаменитое утверждение Фенелона, что «историк не принадлежит ни времени, ни стране», Жорж Лефевр много раз имел возможность уточнить его смысл и опровергнуть его: «Мы согласны с Фенелоном в том, что историк должен быть способен объективно оценивать значение документов, унаследованных от прошлого, правильно излагать противоположные мнения и со всей ясностью восстанавливать приблизительно верную картину прошлого; историк должен делать это, и мы думаем, что он на это способен... Не менее верно и то, что политические и экономические события его собственного времени, движения идей и способы их интеллектуального восприятия — одобряет ли он их или же осуждает — помогают ему нарисовать ту или

²⁶ *Suratteau J.-R.* Georges Lefebvre, historien politique. — AHRF, 1960, janvier — mars, N 159, p. 32—46.

²⁷ *Lefebvre G.* Foules révolutionnaires. — AHRF, 1934, janvier — février, N 61, p. 1—26. Сообщение, представленное Центру синтеза по случаю Недели синтеза (1932 г.), опубликованное в протоколах Недели и в журнале; см. также: *Lefebvre G.* Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954, p. 269—287.

²⁸ *Rudé G.* The crowd in the French Revolution. Oxford, 1959.

²⁹ *Lefebvre G.* Cours sur les historiens de la Révolution française. Leçon d'ouverture. — Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg, t. VIII, N 1 (novembre 1929), p. 43—50; N 3 (janvier 1930), p. 96—102.

иную картину прошлого, прежде оставшегося во мраке, чтобы объяснить то, что раньше казалось непостижимым...».

Без сомнения, уточнил Лефевр в дальнейшем свою мысль, знаменитое высказывание Фенелона — излюбленное лакомство историографии — было со стороны великого прелата, конечно, не констатацией, а педагогическим указанием, советом, идеалом. Но одной из констант Жоржа Лефевра было утверждение, что «историк, какими бы пронизательностью, беспристрастием, независимостью ни наделила его природа, никогда не отрывается от своего времени, так как пишет он для того, чтобы его читали; следовательно, надо, чтобы он в определенной мере отвечал на главные вопросы, тревожащие читателей. Он пишет для господствующих классов и, таким образом, в некоторой мере заинтересован в их участии. Следовательно, историография неизбежно должна отражать общее движение истории, так как господствующие классы изменяются, как изменяется и их умонастроение».

Говоря, что историк пишет для господствующих классов, Лефевр полностью присоединяется к утверждению Маркса, что во все эпохи мысли господствующего класса — господствующие мысли. Маркс разъясняет, отмечает Лефевр, что эти господствующие мысли представляют собой не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, что они являются этими «господствующими материальными отношениями, облеченными в форму идей, т. е. выражением отношений, превращающих один класс в господствующий класс, иначе говоря, это идеи его господства»; но идеи эти «отделяются господствующим классом от него самого, чтобы быть представленными как сущности, которые все более и более будут принимать форму всеобщности», и становятся «единственной определяющей и активной силой, господствующей над практикой этих людей», как и всех других классов общества, поскольку «мысли тех, кому отказано в средствах интеллектуального производства, тем самым подчиняются господствующему классу». Так во все эпохи историк разделяет идеи и «иллюзии» своей эпохи; так история любой эпохи всегда есть история господствующих классов этой эпохи.

И развивая эту идею, Жорж Лефевр описывает эволюцию исторического синтеза: «Это факт, что в течение долгого времени в обществах, в наших обществах, даже во всех обществах на земле господствовали полководцы и священники: в гражданских общинах классической древности господствовали граждане, возглавлявшие на рабов производственную деятельность или наибольшую часть ее, разумеется, хвалясь при этом, что они демократы; в государстве нового времени господствовали абсолютные монархи и их представители. Что могло заботить их главным образом? Власть, власть, от которой как раз и зависели все блага, какими они пользовались в обществе. Следовательно, вполне объяснимо, что вплоть до близкой нам эпохи история была по существу историей политической и в значительной мере она такой и остается».

Для Жоржа Лефевра не подлежит сомнению, что заботы историка — это заботы общества, членом которого он является, и что его точка зрения, факторы объяснения истории, какими он руководствуется, определяются его принадлежностью к данному обществу, участвующему во всеобщем движении истории.

При попытке очертить и понять концепцию истории, обнаруживаемую у каждого историка, надо помнить об отношениях, существующих между этой концепцией истории и самой историей или, если угодно, между историком и его временем; но надо принимать во внимание и два других элемента, которые, несомненно, имеют важное значение.

Прежде всего историк не только пленник своей эпохи, тех вопросов, какие она выдвигает, причем вопросы эти определяются стадией экономического развития данного общества, но он также пленник своей социальной группы, класса. «Точка зрения историка такова, какую он получает от своего времени и от своего класса», — объяснял Жорж Лефевр, ставя таким образом, кроме проблемы отношений между историком и его

временем, проблему отношений между ним и его классом. Итак, для Жоржа Лефевра, придерживающегося также и здесь марксистской точки зрения, отношения эти являются отношениями подчинения индивида влиянию его класса.

Поэтому необходимо найти место историка в исторической перспективе и таким образом включить его в длинную цепь историков, звеном которой он является. В этом и состояла одна из задач — несомненно, главная — курса лекций Лефевра по историографии.

Он придерживался составляющего одну из основ диалектического метода марксистского принципа, что движение мысли индивида связано и со всеобщим движением истории, и с современной ему идеологией.

О взаимоотношениях между историком и его временем, взаимоотношениях между историком и его классом, между историком и всеми теми, кто предшествовал ему на пути исторического познания, существует высказывание Лефевра, относящееся к Мишле, которое должен запомнить всякий, кто ставит себе задачу познать и понять историка и сущность его труда. Вот оно: «Никогда нельзя объяснять идеи одного человека исключительно идеями, царившими вокруг него или высказанными до него; эти идеи вызвали его сочувствие, потому что он принадлежал к определенному общественному классу, обладал определенным темпераментом, получил определенное воспитание и образование, а также в связи с особыми обстоятельствами на протяжении его частной жизни».

Чтобы возвратиться к нашему главному положению, я повторю: разве не таким был путь Жореса, этого философа, вышедшего из среды крупной буржуазии, родственника адмирала французского военного флота, радикала-интеллигента, соприкоснувшегося с уроками реальной жизни, наблюдавшего забастовки горняков Кармо, их долгую безнадежную борьбу, замечательно описанную Роландой Трампе?³⁰ Разве не таков при ближайшем рассмотрении и суровый путь Лефевра? Молодой стипендиат, выходец из близкой к пролетариату трудовой мелкой буржуазии, сирота, посвятивший себя заботам о брате, он готовился к поступлению в военную школу Сен-Сир, мечтая о возвращении Франции Эльзаса и Лотарингии. Его путь определялся в результате соприкосновения с реальностями земельных отношений, обнаруженными при соприкосновении с земледельцами севера, с их прошлым. Так он пришел к политическому социализму, выражавшему чаяния его сердца и его класса, отразившемуся в его исторических построениях, созданных суровым трудом эрудита.

* * *

В заключение следует дать ответ на вопрос (этому в свое время учила риторика), поставленный во введении: был ли Жорж Лефевр последователем Жореса? И в чем?

У Жоржа Лефевра, по-видимому, были основания считать Жореса своим учителем, в строгом смысле — человеком, который его вдохновил, пробудил. На вопрос, превзошел ли ученик своего учителя, я отвечу утвердительно. Как историк, конечно, превзошел. Но является ли он для нас, как полагает Вентури, более «социалистом», чем Жорес? Что можно сказать сегодня, не восходя ко временам Маркса и Энгельса, о термине «социализм», о его смысле, об употреблении его во времена Жореса и на протяжении всей жизни Лефевра?

Был ли Жорес действительно глубоко убежденным марксистом? Он знал Маркса лучше, чем всякий другой в те времена, утверждает Мадлен Ребриу³¹. А Лефевр? Знал ли он Маркса лучше в конце своей жизни — когда уже появилось много весьма удобных для изучения изданий на французском языке, между тем как во времена Жореса почти все извест-

³⁰ Речь идет о выступлении Роланды Трампе на коллоквиуме «Жорес и история», состоявшемся в Тулузе 5—6 марта 1977 г. (материалы коллоквиума не опубликованы). Ср. диссертацию: *Trempe R. Les mineurs de Carmaux*.

³¹ Сообщение М. Ребриу на том же коллоквиуме.

ные труды Маркса и Энгельса имелись только на немецком и английском языках?

Был ли Лефевр более «социалистом» в точном и политическом смысле этого слова? Как все помнят, северянин Лефевр ссылаясь прежде всего на Гедда.

Итак, можно было бы, не преувеличивая значения слов, сказать, что Жорес был для Лефевра вехой в его развитии. Точнее, «Социалистическая история французской революции», появившаяся после радикальной «Политической истории» Олара, была для него как для историка — после знакомства с диссертацией Саньяка и чтения трудов Лучицкого — важным этапом, просветила его, заставила ощутить зияющий пробел или по меньшей мере неполноту в столь блистательном анализе, данном Мишле, и привела его к лучшему пониманию противоречий. Эта книга Жореса дала Лефевру больше, чем дало ранее или в то же время частичное, «политическое» (в строгом смысле) познание геддистского марксизма.

Но позднее два неожиданных обстоятельства показали Жоржу Лефевру, сколь многообразен может быть путь истории. Прежде всего его собственное подробное знакомство с историей крестьянства. Ибо, если Мишле и думал о жалкой участи крестьянина, этого «бедного Иова», то он все же не позаботился описать его жизнь и еще менее пытался выявить главные классовые различия внутри столь многообразного крестьянства. Что же касается Жореса, то он — при всем его стремлении к изучению классовых делений, — главным образом занимался изучением деятельности буржуазии. Первый важнейший вклад Лефевра во всеобщую историю — это, несомненно, описание роли крестьян в революции. Другим неожиданным обстоятельством было то, что ему раскрыла диссертация Эрнеста Лабрусса³². Лабрусс, вначале юрист, ученик Симиана, обладал талантом историка, быстро восторжествовавшем у него над чисто экономическим догматизмом. Он показал Лефевру, который никогда и не забывал, чем он обязан своему более молодому другу, важное значение количественного анализа. Мы помним настоятельное указание Лефевра, данное им в 1951 г.: «Недостаточно описывать, надо также подсчитывать...». Лабрусс также показал ему средний путь между полным состраданием изложением Мишле и интерпретацией Жореса; Лефевр хотел бы видеть Лабрусса своим преемником на кафедре истории французской революции, но, будучи заместителем Марка Блока, Лабрусс занял место последнего, когда жестокая правда о смерти Блока была официально подтверждена.

За два года до своей смерти в рецензии на ценную книгу Анри Марру «Об исторических знаниях» Жорж Лефевр противопоставлял концепции этого ученого свои основные взгляды³³. Отмечая, что Марру «старается от начала и до конца по-новому осветить роль историка» и что, по его мнению, «историк не находит историю готовой, но строит ее», Лефевр выражает несогласие с «поверхностным» отношением автора книги к документам, которые «история включает в себя», и особенно подчеркивает, что «некоторые философы, несомненно, сочтут, что г-н Марру, столь положительно относящийся к экзистенциализму, предоставляет историку-профессионалу чересчур полную свободу действий. В противоположность этому найдутся историки, которые откажутся допустить метафизику в свою методологию. Исключая ее из своей области, естественные науки в течение XIX в. обеспечили себе независимое место, что и было одним из условий их поразительного взлета. Для прогресса истории важно, чтобы она следовала этому примеру. И разве Марк Блок... не ставил непроницаемой перегородки между метафизикой и экспериментальными дисциплинами?».

Вот к чему пришел Лефевр на закате своей жизни. Как он писал несколько ранее, «история — зеркало развития цивилизации и всех социаль-

³² Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. Paris, 1943. Vol. 1, 2. Отзыв Ж. Лефевра см.: Revue historique, 1944, t. 194, p. 168—172; AHRF, 1947, avril—juin, p. 168—173.

³³ Marrou H. De la connaissance historique. Paris, 1956. Отзыв Ж. Лефевра см.: Revue historique, 1949, t. 201, p. 134.

ных, политических и интеллектуальных превратностей, переживаемых человечеством»³⁴.

Это была точка зрения, к которой не пришли ни Жорес, ни Матъез. Но заметим, что первый из них, историк по воле случая, был убит в 1914 г. в возрасте 55 лет, а Матъез скоропостижно скончался в своей аудитории в 1932 г. в возрасте 58 лет...

Таким образом, Жан Жорес действительно был первым «учителем» Жоржа Лефевра, но последний, пережив его почти на полвека (и какого полвека: две мировые войны, экономические и политические кризисы, послевоенные события, раздоры и отречения, ошеломляющие научные завоевания во всех областях!), превзошел того, кто «раскрыл» ему историю.

«Учитель»? «Последователь»? — об этих словах, об их употреблении можно спорить до бесконечности.

Подборки материалов

Жорж ЛЕФЕВР

6.08.1874 — 28.08.1959

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lfebv>

Жан ЖОРЕС

3.09.1859 — 31.07.1914

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jnjr>

³⁴ Revue historique, 1949, t. 201, p. 134. (Отзыв Ж. Лефевра на книгу: *Thompson J. W.* A history of historical writing. 1945. Vol. 1, 2).